

DOI: 10.17805/zpu.2021.2.6

Китай: национальная модель капитализма

Г. Ю. КАНАРШ

Институт философии РАН

Э. В. НИКИТИНА

ЧЕБОКСАРСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ) РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КООПЕРАЦИИ

В статье предпринята попытка с социально-философских позиций проанализировать особенности китайской модели экономики, и в частности китайской модели капитализма. Описывается общий социальный контекст исследования, а именно возвышение ряда незападных стран в начале XXI в. В статье проанализированы основные этапы модернизации Китая во второй половине XX в. Показано, что в 1950-е гг. Китай реализовывал в начале компромиссную, конвергентную модель развития, близкую современной концепции «национальной модели модернизации». Однако уже с середины 1950-х гг. начинает формироваться модель с доминированием командно-административной системы. Авторы видят в этих моделях проявление различных культурных тенденций, свойственных китайскому обществу. Однако с конца 1970-х гг. в Китае торжествует культурная тенденция, связанная с прагматизмом, умеренностью и компромиссом. Эта тенденция воплощала в себе важные особенности менталитета китайцев. В целом вся политика «реформ и открытости» — это воплощение принципа соединения старого и нового, характерного для китайского менталитета. В то же время, как показывают авторы, китайская экономика и китайский капитализм — не одно и то же. Китайский капитализм есть органичная часть китайской модели экономики, которая характеризуется как смешанная. Первоначальная модель китайского капитализма — это сельский капитализм, который рассматривается некоторыми авторами как наиболее динамичный. С 1990-х гг. в Китае реализуется другая модель — городского, промышленного капитализма. В то же время, несмотря на противоположность данных моделей, в статье делается вывод о том, что прагматичный Китай в реальной практике сможет объединить положительные стороны обеих моделей.

Ключевые слова: незападные страны; Китай; национальная модель модернизации; смешанная экономика; капитализм

ВВЕДЕНИЕ

Российские авторы пишут о «новом Новом времени для незападных стран» как новой стадии глобального капитализма в начале XXI в. (стадии, пришедшей на смену двум другим — либеральному капитализму XIX в. и организованному капитализму середины XX в.) (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008). Речь идет о том, что незападные страны сегодня переживают период модернизации своих экономик и обществ, подобный тому, какой переживали западные страны в эпоху модерна. Также, как полагает социальный философ В. Г. Федотова, особую роль в развитии сегодня начинают играть культурные факторы, которые лежат в основе новых — национальных — моделей модернизации (Федотова, 2016).

Американский журналист и политолог Ф. Закария предлагает следующую теоретическую схему мировой истории в последние 500 лет (Закария, 2009). Он полагает, что в мире в разное время происходило три великих подъема. Первый подъем — это подъем Запада на протяжении более чем пяти веков (начиная с XV в.). Второй важнейший подъем — это подъем Америки в конце XIX в. (и чрезвычайно усилившийся в середине XX в., после разгрома Германии и Японии — основных конкурентов Америки, а также на фоне экономического упадка Британии и Франции). И, наконец, третий великий подъем — это подъем, который мы наблюдаем сегодня, — подъем множества незападных стран.

С чем, с какими обстоятельствами связан бурный подъем незападных стран? Как считает Закария, это в первую очередь наступление значительно более мирного периода в мировом развитии после окончания противостояния двух систем (биполярный мир). В этих условиях исчезновения мирового противостояния возникают благоприятные условия для развития. Другие важные факторы — это распад биполярной системы и сохранение капитализма в качестве единственного образца развития (исчезновение СССР в качестве важного политического фактора и социально-экономического ориентира для таких стран, как, например, Индия); радикальное снижение торговых барьеров и глобализация мировой экономики начиная с 1970–1980-х гг.; быстрое технологическое развитие и возникновение таких средств коммуникации и связи, которые раньше невозможно было себе представить и которые также работают на увеличение возможностей, в том числе незападных стран (например, экономика Индии — это на 50% экономика услуг, в немалой степени ориентированная на обслуживание развитых экономик западных стран).

Таким образом, распад биполярной системы, глобализация и технологическое развитие создали самые благоприятные условия для развития не только ведущих стран Запада (в первую очередь США), но и множества незападных стран по всему миру. Закария пишет: «Сейчас... мы переживаем третий серьезный сдвиг современной эпохи (после подъема Запада и возвышения США. — Г. К.). <...> Самое высочайшее здание в мире сейчас находится в Тайбэе, но вскоре в Дубае появится небоскреб еще выше. Самый богатый в мире человек — мексиканец, самая крупная биржевая корпорация — китайская. Самый большой в мире самолет построен в России и на Украине, самый мощный нефтеперегонный завод сейчас строится в Индии, а все самые крупные фабрики расположены в Китае. Ведущим финансовым центром становится Лондон, а самый доходный инвестиционный фонд находится в Объединенных Арабских Эмиратах. И то, что прежде считалось типичным признаком Америки, также присвоено иностранцами» (там же: 25).

В целом, как полагает известный отечественный историк А. И. Уткин, сегодня можно говорить о возникновении некой параллельной реальности в международных отношениях, когда множество незападных стран активно взаимодействует между собой, строя взаимовыгодные экономические отношения, политические региональные союзы (такие, например, как ШОС) (Уткин, 2008). В частности, Китай активно ищет энергию и сырье по всему миру, и это способствует налаживанию его отношений с Ираном, арабскими странами Персидского залива, многими странами Африки и Россией. В то же время эти страны (например, Африки) получают немалую выгоду из отношений с Китаем, позволяющую им разрабатывать у себя нефтяные месторождения и создавать современную инфраструктуру. Происходит солидаризация стран, которая создает экономические и политические связи по всему миру, являющиеся новой альтернативой устройству мира по-американски.

В этом отношении особенно выделяются две мощные азиатские державы — Китай и Индия. Как проекты, они представляют во многом противоположное содержание, поскольку в развитии Китая традиционно велика роль государства (и можно сказать, что китайская экономика развивается по мобилизационному сценарию); напротив, индийский проект является не мобилизационным, а демократическим, «вырастающим» снизу, из толщи социально-экономических отношений в обществе, спонтанно. В отличие от Китая роль государства в индийской эко-

номике является весьма скромной — и этим Индия сильно напоминает США (см., напр.: Закария 2009; Сина, Ханна, Вотцель, Фаррелл, 2006).

МОДЕРНИЗАЦИЯ КИТАЯ:

ПРОТИВОБОРСТВО ДВУХ КУЛЬТУРНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Современное возвышение Китая нередко объясняют культурными причинами, имея в виду прежде всего такие качества китайцев, как прагматизм, рыночный менталитет и др. (см., напр.: Просеков, 2015). Это справедливо, однако справедливо и то, что, как считает Ф. Закария, мы не можем рассматривать культуру в качестве безусловной детерминанты развития, поскольку культурные тенденции (даже в рамках одной нации) могут быть разными, а кроме того, они могут вступать во взаимодействие с другими факторами — экономическими, политическими (Закария, 2009). Нечто подобное можно увидеть и на примере развития современного Китая. Так, с одной стороны, Китаю с давних пор были присущи и рыночные тенденции в культуре, — как показывает, например, В. Г. Федотова со ссылкой на других исследователей, — уже в начале XX в. в Шанхае вполне были развиты рыночные отношения, менее характерные для остального Китая (Федотова, 2015). С другой стороны, многотысячелетняя история Китая — это история ирригационной цивилизации, «восточной деспотии», вполне традиционной для Азии, что формирует совсем иную культурную специфику. В рамках этой, второй, тенденции всякие проявления индивидуализма, личной инициативы крайне не поощряются, напротив, поощряются коллективизм, подчинение господствующим группам, мобилизационный тип развития и т. д. Думается, что все, что происходило в Китае начиная с середины XX в. (после победы в гражданской войне Коммунистической партии Китая (КПК) и образования КНР в 1949 г.), так или иначе укладывается в одну из этих культурных логик.

Так, если обратиться к истории развития китайского общества начала 1950-х гг., то мы увидим попытки реализации модели, которая весьма близка к национальной модели модернизации. Эту модель характеризует стремление реализовать компромиссные начала, сочетать элементы социалистического строя и рынка. В определенной мере стремление к компромиссу с некоммунистическими силами объясняется тем, что новое коммунистическое правительство Китая хотело восстановить разрушенное гражданской войной народное хозяйство, а также необходимостью борьбы с контрреволюцией (эффективность такой борьбы зависела и от готовности представителей буржуазии жить при новой власти и в новых условиях).

Итак, в чем же проявились основные черты этой модели? Во-первых, политика. Интересно, что кроме Коммунистической партии в новом, коммунистическом Китае существовали еще несколько (точнее, восемь) буржуазных (демократических) партий, которые наравне с КПК участвовали в политической жизни страны. Это необычно, однако показывает действительный настрой новой коммунистической власти на реализацию компромисса.

Во-вторых, в новом Китае была проведена важнейшая реформа — аграрная, в соответствии с которой земля, прежде принадлежащая помещикам и другим крупным арендодателям (например, монастырям), теперь передавалась крестьянам в частную собственность. Значение этой реформы поистине трудно переоценить: новое правительство Китая стремилось создать здоровую основу для эконо-

мики (множество мелких и средних частных хозяйств), однако эта реформа порывала и с многовековым феодальным прошлым Китая, в целом — с коллективистской ирригационной культурой традиционного общества, что было подлинным шагом на пути модернизации.

В-третьих, важны отношения власти в тот период с предпринимательским социумом (буржуазией). В целом, как отмечается во многих исследованиях, политика власти благоприятствовала развитию буржуазии, поскольку это способствовало развитию экономики. Однако при всем этом политика эта характеризовалась непоследовательностью: в буржуазии продолжали видеть классового врага, а потому организовывали политические кампании по «зачистке» буржуазии, которая, как считалось, осуществляет «вредительство» (расхищает госсобственность, не платит налоги и т. п.), а кроме того, заражает многими пороками управляющий класс государства. Поэтому буржуазия еще в начале 1950-х гг. подвергается государственному давлению, в частности по поводу якобы сокрытых налогов. Однако в целом можно говорить о наличии возможностей существования буржуазии в новом коммунистическом государстве.

В-четвертых, важным элементом этой модели было то, что, как и в период новой экономической политики в Советской России, «командные высоты» в экономике находились в руках государства (и это вполне естественно для такого социума, как Китай, как, впрочем, и для России). Это означало, что был дан простор частному предпринимательству, однако важнейшие предприятия промышленности, транспорта, связи, банковской сферы продолжали находиться в руках государства. Без этого, как нетрудно понять, сложно было бы вообще поддерживать стабильность в такой огромной, многоукладной стране, как Китай.

В-пятых, очень важной была советская помощь Китаю — в стране в тот период работали тысячи специалистов из СССР, которые помогали восстанавливать народное хозяйство, создавать новые предприятия; огромное количество китайцев учились в СССР или проходили там стажировку. СССР помогал Китаю и посредством предоставления кредитов на покупку техники, много сделал для становления в Китае современного образования и науки.

В то же время уже тогда, в начале и первой половине 1950-х гг., начала проявлять себя и другая тенденция, которую мы назвали тенденцией «азиатской деспотии». Конечно, эта тенденция была усилена коллективизмом и авторитаризмом новой коммунистической власти, однако она всегда была достаточно сильна в истории Китая. Новая власть только по-новому интерпретировала данную культурную традицию и воплотила ее в новых исторических условиях.

В чем конкретно это проявлялось? Прежде всего в установках нового партийного руководства страны во главе с Мао Цзэдуном на ускоренное развитие, включая ускорение построения социализма в городе и в деревне. В деревнях данная тенденция проявилась в стремлении создавать коллективные хозяйства, которые объединяли бы некоторое множество индивидуальных, так называемые союзы взаимопомощи. Предполагалось (и это вполне естественно в рамках такой ирригационной культуры, как Китай), что индивидуальным хозяйствам самим будет не под силу справиться со сложными условиями ведения сельского хозяйства (посевы, уход за посевами, сбор урожая), поэтому надо объединять усилия нескольких хозяйств для повышения производительности труда. Впрочем, совершенно здравое решение. Кроме того, предполагалось кооперирование деревни — созда-

ние кооперативов двух типов: низшего и высшего. Кооперативы низшего типа объединяли бы в своей структуре хозяйства без обобществления собственности (это могли быть самые разные кооперативы — производственные, сбытовые, кредитные и др.); кооперативы второго типа были бы уже подлинно коммунистическими предприятиями — они объединяли бы хозяйства на началах обобществления. И в целом первоначальная тенденция по коллективизации деревни носила вполне умеренный характер: предполагалось, что в ближайшие годы в коллективные будет объединено сравнительно небольшое число крестьянских хозяйств. Однако политика Мао Цзэдуна была направлена на то, чтобы ускорить коллективизацию в деревне и в кратчайшие сроки «загнать» в коллективные хозяйства как можно больше индивидуальных. При этом левацкая часть КПК во главе с Мао опиралась на представления значительной части крестьянского населения о грядущем будущем счастье, связанном с коллективизацией. В результате замысел Мао фактически был реализован.

Как справедливо полагает отечественный историк-китаист А. В. Меликсетов, если передел земли между крестьянским населением в результате аграрной реформы был подлинной революцией, то ускоренная (и совершенно неоправданная) коллективизация сельского хозяйства, проведенная Мао Цзэдуном в 1950-е гг., была подлинной контрреволюцией, направленной фактически на восстановление традиций «азиатской деспотии» в Китае (Меликсетов, 2002: 629).

Однако сельским хозяйством дело не закончилось: реформа в деревне подстегнула стремление «коммунизировать» хозяйство и в городе. Так, государство при помощи так называемых низших форм госкапитализма (когда государство приобретает продукцию, произведенную частником, или предоставляет частнику сырье, из которого затем производится продукция) смогло уже в середине 1950-х гг. поставить под свой контроль значительную часть негосударственных предприятий; затем фактически была произведена национализация негосударственной промышленности — она прошла достаточно мирно по той причине, что государство как бы «выкупало» эти предприятия у частных собственников, пообещав выплачивать по 5% от получаемой прибыли ежегодно. Также кроме крупных и средних предприятий фактически была национализирована кустарная промышленность — кустари также были объединены в коллективные хозяйства.

Таким образом, за несколько лет в коммунистическом Китае была фактически упразднена частная собственность. Как справедливо полагает А. В. Меликсетов, это означало фактически возвращение на новом историческом отрезке к традициям азиатской деспотии. «Таким образом, к середине 1956 г. в масштабах всей страны произошли радикальные социально-экономические перемены — была ликвидирована частная собственность и резко ограничены рыночные отношения. <...> Вместе с тем по сути дела тотальное огосударствление хозяйства означало развитие феномена “власти-собственности”, столь характерного для традиционного Китая» (там же: 643).

Однако действительно торжество командно-административной системы, или, что то же самое в условиях Китая, «азиатской деспотии», произошло в конце 1950-х гг., что было известно под именем «большого скачка». В этот период Мао Цзэдун провозгласил политику «трех красных знамен»: новой генеральной линии (партии), большого скачка и коммун. Новая генеральная линия заключалась в отходе от постепенных, компромиссных начал в модернизации народного хозяйства

и переходе к радикальному ускорению; «большой скачок» означал резкое повышение производства сельскохозяйственной и промышленной продукции на основе этого ускорения; коммунизация означала тотальную коллективизацию жизни в деревне и в городе ради приближения «светлого будущего» и повышения производительности хозяйства. По всей стране были созданы коммуны, которые объединяли огромное количество китайцев и фактически становились новой формой социальной жизни (роль коммун мыслилась как универсальная — они выполняли хозяйственные и социальные функции, а также военные и политические). Имущество людей по всей стране было обобществлено. Люди были брошены на выполнение ирригационных работ, а также посадку риса по «новым технологиям» (глубокая вспашка и сгущенные посевы), а также на выплавку стали по всей стране посредством небольших доменных печей. Как известно, политика «большого скачка» привела Китай к плачевным результатам: к дезорганизации на годы народного хозяйства, резкому снижению производительности, снижению качества производимой продукции и даже голоду.

Историк-китаист О. Е. Непомнин пишет: «Экспроприация земли у крестьян и сгон его в коммуны явились гигантским социально-экономическим переворотом. После коммунизации деревни радикально изменился весь облик китайского социума. Эта величайшая по масштабам общественная революция покончила с так называемым периодом народно-демократического строя и перевела ханьский этнос в русло “социалистической формации” — нового общественно-экономического и политического строя» (Непомнин, 2011: 532). Более того, полагает историк, «такой экономической социальной, политической власти над населением не добивалась ни одна из предшествующих генераций китайской деспотии» (там же: 533).

Таким образом, начав с демократических преобразований (аграрная реформа), с поощрения и развития многоукладности в экономике (государственный и негосударственный секторы, сельское хозяйство и промышленность), Китай в конце 1950-х — начале 1960-х гг. фактически пришел к восстановлению деспотического режима, да еще и такого, который был не видан во все предшествующие эпохи. Ситуация усугублялась и идеологическими и политическими кампаниями, важнейшей из которых стала печально известная «культурная революция» 1960-х гг. Модернизация Китая тем самым была фактически остановлена.

КИТАЙСКИЕ РЕФОРМЫ

И ПЕРЕХОД К СМЕШАННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Многие авторы обращали внимание на то, что главное в китайских реформах (и это проявляется практически во всем) — их постепенный, «градуальный» характер, когда новое строится на основе предыдущего, уже сделанного и показавшего на опыте свою относительную жизнеспособность. Возможно, такой — постепенный, системный — подход к реформам связан с многотысячелетним опытом существования китайской цивилизации, которая выработала устойчивую культурную традицию, стабилизовавшую социум в ситуации нововведений (хотя, впрочем, именно традиция часто становилась главным препятствием для инноваций); возможно, главное здесь — не столько древняя история и институты, сколько особый менталитет китайцев, который, как пишут авторы отечественной книги о современном Китае М. Г., Делягин и В. В. Шеянов, в отличие от типичного западного менталитета, не делит мир на отдельные элементы, напротив, старается соединить

противоположности, найти некую середину между крайностями, чтобы при этом взять все самое ценное из этих двух соединенных в одно целое «половинок» (Делягин, Шеянов, 2015).

Мы уже говорили, что культура (как и менталитет) не может рассматриваться в качестве безусловной детерминанты развития (что и показал маоистский Китай), однако верно и то, что в постмаоистском Китае возобладали иная культурная тенденция — прагматическая, которая в условиях относительной деидеологизации позволила реализоваться некоторым важным особенностям китайского менталитета и традиционной культуры Китая, располагавших *не к крайностям и утопическому конструированию социума, но к поиску середины и гармонии*. Олицетворением этой тенденции была политика «архитектора китайских реформ» Дэн Сяопина.

Из каких же элементов складывалась новая политика реформ?

Прежде всего, на что часто указывают исследователи, проводя параллели между реформами в Китае и, например, в постсоциалистических странах, это сохранение руководящей роли за государством одновременно с введением значительных элементов рыночной экономики. Как пишет Д. Арриги в своей известной книге «Адам Смит в Пекине», ошибочным является мнение о том, что Китай в период реформ пошел по пути радикальной либерализации экономики (т. е. реализовал рецепты неolibеализма); напротив, в Китае сохранился значительный государственный сектор — то, что часто называют (по аналогии с нэповской моделью в России) сохранением «командных высот» в экономике (Арриги, 2009). Так, в переходный период государство сохранило руководство множеством госпредприятий, монополию в финансово-кредитной системе, в управлении и поддержании инфраструктуры. Впрочем, как полагают некоторые авторы, роль государства все же различалась в разные периоды реформ: как считает, например, экономист Яшен Хуан, период 1980-х гг. характеризуется большей либерализацией (преимущественно в сельской местности) и меньшим влиянием бюрократических структур; напротив, роль государства значительно возросла в 1990-е гг., когда, по мнению Хуана, Китай фактически свернул с ранее реализованной модели реформ и перешел к государственному капитализму (Хуан, 2010).

Р. Коуз и Нин Ван в своей книге «Как Китай стал капиталистическим», получившей широкую известность, показывают, что реформы в постмаоистском Китае начались с государственного сектора экономики (Коуз, Ван, 2016). Государство стремилось так реорганизовать свои предприятия, чтобы они стали динамичными в экономическом отношении. Для этого, во-первых, были осуществлены определенные структурные изменения (приоритет легкой промышленности перед тяжелой, переход к конверсии на оборонных предприятиях); во-вторых, осуществлены определенные реформы на самих предприятиях: они были переведены на так называемую двухколейную систему, т. е. продолжали работать, выполняя государственный заказ, однако то, что было сделано сверх этого, оставалось в распоряжении предприятий, которые могли свободно продавать произведенное на рынке. Таким образом, предприятиям было предоставлено право (в рамках индивидуальных договоров с государством) самим определять объем производимой продукции, распоряжаться прибылью, а также даны определенные права в области кадровой политики (например, самостоятельно назначать менеджеров среднего звена).

Что здесь интересного? Во-первых, предприятия, как во многих бывших социалистических странах, не были отданы на откуп приватизации (государство было привержено идеям социализма и справедливо считало государственные предприятия основой строя); а во-вторых, реформы на предприятиях были проведены таким образом, чтобы сохранить плановое управление, но при этом повысить экономическую эффективность. Тем самым китайцы действовали прямо в соответствии с особенностями своего менталитета, позволяющего уравнивать крайности и находить оптимальное сочетание старого и нового.

Но самое главное, по нашему мнению, заключается в том, что в процессе реформ в стране фактически была создана смешанная экономическая система: большой государственный сектор сочетался с быстрорастущим частным (индивидуальным) хозяйством. Как отмечают многие авторы, пишущие о реформах в Китае, первоначально политическое руководство не имело никакого плана реформ, и, по сути дела, рыночные реформы начались стихийно. Удачный термин используют Р. Коуз и Н. Ван: они говорят о нескольких *периферийных революциях в Китае*: 1) революция в сельском хозяйстве (переход от коммун и производственных бригад к системе подворного подряда); 2) своего рода промышленная революция на местах, когда из создаваемых Мао Цзэдуном коммун, после их расформирования, возникли волостные и поселковые промышленные предприятия, куда могли устроиться люди, не нашедшие себе применение в сельском хозяйстве; 3) революция в городах, когда там было допущено индивидуальное предпринимательство (в результате образования огромного избыточного населения, которому трудно было найти работу); 4) революция с созданием особых экономических зон в прибрежных районах Китая, которые стали «островками капитализма» в огромном море плановой экономики.

Особо следует обратить внимание на волостные и поселковые предприятия. Как подчеркивает Д. Арриги, именно эти предприятия (которые возглавляли нередко бывшие чиновники — руководители расформированных коммун и бригад) стали на протяжении 1980-х гг. подлинным локомотивом промышленного развития Китая. Арриги считает, что в новейшей экономической истории Китая эти предприятия сыграли роль, сопоставимую с той, которую сыграли вертикально интегрированные корпорации в истории Соединенных Штатов Америки (Арриги, 2009; см. также: Хуан, 2010). Успех этих предприятий по сравнению с предприятиями государственного сектора был связан с тем, что, во-первых, они были гораздо более гибкими в плане производимой продукции, полностью ориентируясь на рыночное производство; во-вторых, могли в полной мере использовать связи своего руководства (нередко бывших чиновников) с местными администрациями (при этом будучи свободными от непосредственной государственной «опеки»); в-третьих, опирались на широкие возможности финансирования (государственного и негосударственного), получившие развитие особенно в 1980-е гг. В любом случае, значительный процент промышленного производства Китая в 1980-х гг. был обусловлен динамичным развитием именно этого сектора экономики.

Большого внимания также заслуживают и особые экономические зоны, которые, как мы сказали, были созданы в прибрежных районах на юге Китая (прежде всего в провинции Гуандун, хотя и не только). Наиболее известна свободная экономическая зона, основанная в городе Шэньчжэнь на границе с Гонконгом (тогда еще не присоединенном к основному Китаю). Эти зоны создавались в разное время и по разным мотивам, однако, как справедливо полагают Р. Коуз и Н. Ван, глав-

ное назначение свободных экономических зон — это привлечение инвестиций и технологий так, чтобы использовать «островки» капиталистической экономики на благо социалистическому Китаю (Коуз, Ван, 2016). И здесь мы видим реализацию того же принципа: создание в единой стране *как бы двух систем, из которых прагматично извлекается все лучшее*: система, основанная преимущественно на плановой экономике, хотя и со значительным «вкраплениями» рынка (основной Китай), и наряду с этим — система полностью капиталистических свободных экономических зон. Позже подобная модель реализовалась и в отношении присоединения Гонконга к основному Китаю, когда был осуществлен принцип «одна страна — две системы».

При этом важны три обстоятельства: во-первых, особые экономические зоны работали прежде всего на экспорт (в результате нормализации отношений США открыли свой огромный рынок для товаров из Китая); во-вторых, деньги на создание новых предприятий пришли во многом из рук представителей китайской диаспоры, что также связано с особенностями национального характера китайцев (патриотизм и сильная этническая сплоченность); в-третьих, в экономических зонах использовался труд множества китайцев — хорошо образованной, квалифицированной и очень трудолюбивой рабочей силы, способной к монотонному кропотливому труду. Как отмечают исследователи, в частности Делягин и Шеянов, такая рабочая сила была идеально приспособлена для работы на конвейерном производстве (Делягин, Шеянов, 2015). Все это (а также в первую очередь благоволение китайского руководства даже в период кризиса рыночных реформ в начале 1990-х гг.) позволило осуществить весьма полезный «капиталистический эксперимент» в особых экономических зонах.

Какая же модель была создана в результате этого, начального, периода реформ? Как считает О. Е. Непомнин, в процессе реформ страна фактически вернулась к периоду Гоминьдана (первая половина XX в.) — буржуазному режиму, хотя и сохранив при этом завоевания социалистического периода («социализм с китайской спецификой»). Он пишет: «После “реформ Дэн Сяопина” экономика и социум во многом вернулись к системе, существовавшей при Гоминьдане. Были восстановлены частное крестьянское хозяйство, рыночные отношения и капиталистический сектор в городах во главе с новой буржуазией и прежнее частичное включение Китая в систему мирового рынка» (Непомнин, 2011: 623).

Нам нет необходимости рассматривать весь 40-летний период китайских реформ (с 1979 г.), поэтому отметим главное. Отчетливо видится, что данный принцип (одновременное сосуществование старого и нового, социалистического и капиталистического), соответствующий особенностям китайского менталитета, был реализован во многих областях — как в микроэкономике, так и в немалой степени в сфере макроэкономического регулирования. Так, на уровне микроэкономки, наряду с существованием множества частных фирм (особенно в сельской местности), было множество госпредприятий, которые — до их почти тотального акционирования в 1990-е гг. — работали в течение долгого времени одновременно на план и на рынок. В сфере макроэкономки: довольно длительное время в Китае существовало два плана — директивный (социалистический) и рекомендательный (больше соответствующий реалиям капиталистической экономики). Также долгое время действовала двойная система ценообразования: часть цен жестко фиксировалась государством, часть была отдана на откуп рынку. Исследователи говорят

поэтому о формировании в реформирующемся Китае (а также в бывшем социалистическом Вьетнаме) двухсистемной модели, сочетающей элементы плана и рынка, социалистического и капиталистического хозяйствования (конвергентная модель). Случаи Китая и Вьетнама считаются уникальными, поскольку все остальные бывшие социалистические страны, включая СССР, пошли по «односистемному», радикальному пути реформ (Романова, 2008).

Надо сказать, что ввиду достаточно противоречивого характера реформ (что находит отражение и в различии теоретических взглядов исследователей) реформы в Китае протекали отнюдь не гладко: на рубеже 1980–1990-х гг. в связи с серьезными проблемами в экономике (прежде всего значительный рост инфляции) реформы были приторможены, более того, ситуация была такова, что Китай находился на грани сворачивания экономических преобразований и возвращения в «наезженную» колею социалистической плановой экономики. Как известно, положение во многом спасло «южное турне» Дэн Сяопина в начале 1992 г., в процессе которого тот много общался с местными китайскими руководителями и убедил их (а позже и все китайское общество) продолжать рыночные преобразования. Идеи Дэна были очень просты и, по сути, сводились к одному — осуждению «левого» уклонизма и догматизма и проповеди прагматичного отношения как к самому социализму, так и к конкретной практике реформ. В итоге 1990-е гг. стали временем дальнейших преобразований, в результате которых, по словам Р. Коуза и Н. Вана, «Китай перерос социализм».

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ КАПИТАЛИЗМА?

Чаще всего в исследованиях (особенно западных) обращают внимание на модель капитализма, которая сложилась в Китае в 1990-е гг. Это, как мы уже сказали, модель государственного капитализма, когда в приоритете находится прежде всего крупная промышленность, в которую инвестируются значительные средства, а также инфраструктурные проекты и городское строительство. Как показывает Я. Хуан, в современном Китае возобладали «городская модель капитализма», что в немалой степени связано с тем обстоятельством, что новое поколение китайских руководителей, пришедших к власти в 1990-е гг., было родом из городов и сделало свою карьеру на государственных предприятиях, поднявшись затем по бюрократической лестнице (Хуан, 2010).

Позиция китайского экономиста является нетрадиционной: он пытается показать, основываясь на огромном эмпирическом материале, что подлинной национальной моделью капитализма в Китае в период реформирования (с конца 1970-х гг.) был вовсе не городской капитализм, поддерживаемый государством, а капитализм сельский (уже упомянутые нами поселковые и волостные предприятия). Именно на село в 1980-е гг. приходится бум китайского предпринимательства (основной массив иностранных инвестиций пришел позднее, начиная с 1990-х гг.).

С чем, по мнению Хуана, связан такой взрывной рост сельских промышленных и торговых предприятий? Во-первых, с доверием новых предпринимателей-крестьян в отношении государства (реформы в сельском хозяйстве, переход на подворный подряд); а во-вторых, со значительной политикой либерализации, которая, как отмечает Хуан, коснулась прежде всего села, а не города. В результате поселковые и волостные предприятия активно работали и на селе, и в городе, пользуясь благосклонностью властей и прежде всего имея возможность привлечь значитель-

ные кредиты (предоставляемые как государственными банками, так и множеством других организаций — кредитными кооперативами, кредитными кооперативными фондами, различными неформальными источниками). Развитию предпринимательства на селе способствовала и относительная децентрализация, возможность поселкам самостоятельно, без вмешательства государственной и местной бюрократии, решать собственные дела.

Ситуация, по мнению Хуана, резко изменилась в 1990-е гг. — отчасти в связи с событиями на Тяньаньмэнь, отчасти в связи с приходом нового поколения руководителей. В результате ориентации новых руководителей государства на крупную промышленность, развитие технологий, привлечение инвестиций сельское предпринимательство оказалось в опале — были значительно сокращены возможности финансирования (в частности, кредитным организациям на селе было предписано кредитовать в первую очередь сельское хозяйство — и лишь по остаточному принципу сельских предпринимателей; кооперативные фонды были слиты с кредитными кооперативами и др.). В результате предпринимательством стало заниматься невыгодно, и многие сельские жители, те, кто раньше бы основал свое дело, перешли на наемную работу в деревне или в городе. Фактически, как показывает Хуан, истинно национальная модель капитализма, основанная на сельском предпринимательстве, была свернута в результате наступления государства в 1990-е гг., усиления централизации и бюрократизации, устранения многих либеральных начинаний на селе, которые создавали до этого благоприятный деловой климат.

Излагая основную идею своей книги, Хуан пишет: «Ключевой фактор в моем повествовании — сворачивание экономических политик в конце 1980-х гг. В 1980-х направленность экономической политики была поступательно-либеральной, главным образом в сельских районах страны. Доступ частного сектора к финансам был существенно упрощен, сельское предпринимательство стремительно развивалось. В 1990-х направленность экономической политики была резко изменена: акцент теперь делался на промышленности и иницируемых государством инвестиционных проектах. <...> В 1980-х гг. страна направленно двигалась к разновидности капитализма, которую Бомоль, Литан и Шрамм (западные экономисты. — Г. К.) называют предпринимательским капитализмом. В 1990-х гг. страна все еще двигалась к капитализму, но уже иной разновидности — капитализму государственному» (Хуан, 2010: 29–30).

Думается, можно согласиться с Хуаном, что для преимущественно сельского Китая 1980-х гг. первая (поселковая) модель капитализма была действительно органичной (и надо заметить, что она была во многом более благоприятной и в социальном плане, в частности позволяла значительно увеличивать трудовые доходы, способствовала улучшению образования и здравоохранения на селе, препятствовала значительным социальным диспропорциям — фактически в ней было все то, чего не хватает нынешней «городской модели капитализма»). Однако возможно и то, что переход к городской модели в 1990-е гг. также был не случаен, он был связан с участием Китая в глобализации, с притоком иностранных инвестиций, которые способствовали быстрой урбанизации, росту промышленности и т. д. В какой-то степени закономерно, что сельский капитализм должен был быть сменен моделью, основанной на развитии города и промышленности.

Кроме того, как пишут другие авторы, развитие капитализма в Китае 1990-х гг. обуславливалось не только ставкой на рост государственных инвестиций, но так-

же и серьезным учетом местных условий, что выразилось в создании множества промышленных парков по всему Китаю (как национальных, так и региональных и местных). По сути, как показывают Р. Коуз и Нин Ван, именно региональная конкуренция различных локальных моделей социального развития стала подлинным драйвером развития экономики начиная с 1990-х гг. (Коуз, Ван, 2016).

Таким образом, мы видим, что дилемма «предпринимательского» и «государственного» капитализма, рисуемая Я. Хуаном, носит все же несколько схематичный характер и не учитывает ряда других факторов развития Китая (например, создания особых экономических зон или тех же промышленных парков в 1990-е гг.). Можно согласиться с Хуаном, что сельский капитализм 1980-х гг. действительно был национальной моделью капитализма для Китая того периода, однако времена и условия изменились, и теперь Китай реализует иную модель, государственную, городскую, но такую, которая не в меньшей степени, чем сельский капитализм, делает акцент на учет местной специфики. Изменились и главные носители этого капитализма: если в 1980-е гг. это были прежде всего крестьяне, желавшие в целях улучшения своего благосостояния перейти к видам деятельности с более высокой добавленной стоимостью (предпринимательство), то теперь главными агентами капиталистической экономики является государство в лице центральной власти и местных властей. Нельзя не согласиться с тем, что такой капитализм порождает значительное социальное неравенство, имеет много других отрицательных характеристик, однако, повторим, по-видимому, его формирование является достаточно закономерным явлением.

Между тем сельское хозяйство по-прежнему находится в фокусе внимания китайского правительства (Сельскохозяйственные проекты Китая ... , 2015). Китай старается увеличивать инвестиции в аграрные проекты за рубежом, чтобы гарантировать продовольственное обеспечение в стране, содействовать выходу своей сельскохозяйственной техники и технологий на зарубежные рынки, расширять экспорт продуктов питания и повышать занятость среди китайских фермеров. Россия, будучи страной с низкой (по сравнению с Китаем) численностью населения и огромным количеством заброшенных пахотных земель, привлекает Китай в первую очередь. Однако процесс реализации российско-китайских инвестиционных проектов в сфере сельского хозяйства на территории России нельзя назвать беспроblemным, и одной из причин этого является недопонимание с обеих сторон влияния на успех предприятий особенностей национального менталитета китайцев и этнокультурной специфики регионов полиэтничной России. В качестве примера здесь стоит упомянуть протестные акции коренной части населения Чувашской Республики в 2019 г. по вопросу передачи паевых земель китайским инвесторам в длительное пользование. Жители чувашских деревень Эхветкасы Моргаушского района и Красная горка Цивильского района Чувашии выступили против строительства на их территории завода по переработке молока с китайским участием, хотя в то же время в Порецком районе республики, населенном преимущественно русскими и мордвой, агропромышленная торговая компания ООО «Сычуань — Чувашия» с согласия руководства региона беспрепятственно приступила к обработке земель для выращивания корма для коров.

В настоящее время компания «Сычуань — Чувашия» испытывает сложности не только на уровне населения Чувашии, но и в отношениях с местными органами государственной власти. Например, в 2019 г. при содействии Министерства экономи-

ческого развития и торговли Чувашской Республики китайский инвестор подписал с чувашским собственником договор о предварительной продаже участка на строительство перерабатывающего парка, но в 2020 г. собственник без предварительного уведомления инвестора продал землю другой компании. За три года под строительство агропарка «Сычуань — Чувашия» так и не было выделено подходящей земли. Представители компании «Сычуань — Чувашия» объясняют провал своей инвестиционной кампании в Чувашии следующим образом: «...после обретения негативного опыта работы с местными государственными органами мы приходим к выводу, что надеяться только на местные органы власти нельзя, и мы параллельно работаем в других направлениях. Наша большая ошибка заключается в том, что мы, не зная местного менталитета, “доверяли” действиям и советам отдельных лиц, которые давали невыполнимые обещания и не обладают достаточными знаниями о процессе ведения бизнеса в Китае» («Самостоятельные» действия китайцев, 2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Думается, что особенности китайского капитализма, как и нынешней экономики Китая в целом, отчетливо несут отпечаток особенностей национального китайского менталитета. Несмотря на то что в 1950-е гг. Китай столкнулся с противоборством двух культурных тенденций (индивидуалистической, предпринимательской и «азиатской деспотии»), в стране начал преобладать свойственный этой нации прагматизм (с конца 1970-х гг.), что, конечно, прямо было связано и с личностью нового руководителя Китая (Дэн Сяопин). В итоге были проведены реформы и построена «двухсистемная» модель смешанной экономики, удачно сочетающая элементы плана и рынка. В основе этой модели, как мы показали, — особенности менталитета китайцев, стремящегося к гармонии. В этом смысле китайский капитализм — понятие более узкое, нежели национальная модель экономики Китая (построили нечто среднее между капитализмом и социализмом). Но и китайский капитализм (тот срез экономики, в основе которого частная собственность) несет в себе немало от национального менталитета китайцев. Это прежде всего высокая способность массы китайцев к предпринимательской деятельности, что со всей очевидностью показала практика поселковых и волостных предприятий.

Однако с 1990-х гг. произошла определенная смена модели капитализма: от массового сельского предпринимательства Китай обратился к реализации «городской модели», что было связано с глобализацией, урбанизацией, ростом промышленности и т. д. По-видимому, если «сельская модель» была органичной для начального периода реформ, то «городская модель» более характерна для современного Китая, хотя она и обладает многими недостатками, которых была лишена «сельская модель». Возможно, развитие капитализма в прагматичном Китае будет умело сочетать элементы как первой, так и второй модели капитализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арриги, Д. (2009) Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / пер. с англ. Т. Б. Менской. М. : Институт общественного проектирования. 456 с.

Деягин, М. Г., Шеянов, В. В. (2015) Империя в прыжке. Китай внутри. Как и для чего «алеет Восток». Главное событие XXI века. Возможности и риски для России. М. : Книжный мир. 672 с.

Закария, Ф. (2009) Постамериканский мир : пер. с англ. М. : Европа. 280 с.

- Коуз Р., Ван Н. (2016) Как Китай стал капиталистическим. М. : Новое издательство. 386 с.
- Меликсетов, А. В. (2002) Гл. XVIII. Китай в 1949–1957 гг.: выбор пути развития // История Китая / под ред. А. В. Меликsetова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во МГУ ; Высшая школа. 736 с. С. 618–655.
- Непомнин, О. Е. (2011) История Китая. XX век. М. : Институт востоковедения РАН ; Крафт+. 722 с.
- Просеков, С. А. (2015) Менталитет китайцев и реформы Дэн Сяопина // Философские науки. № 1. С. 86–98.
- Романова, Г. Н. (2008) Экономические реформы в Китае, их отличие от реформирования в России // Россия и АТР. № 4. С. 69–83.
- «Самостоятельные» действия китайцев [Электронный ресурс] // Сычуань — Чувашия. 08.10.2020. URL: <https://sichuanchuvashiainfo.ru/samostoyatelnye-dejstviya-kitajcev/> (дата обращения: 11.05.2021).
- Сельскохозяйственные проекты Китая в России и странах бывшего СССР [Электронный ресурс] // UGL Corporation. Организация бизнеса в Китае. 10.06.2015. URL: <https://www.uglc.ru/blog/selskoxozyajstvennye-proekty-kitaya-v-rossii-i-stranax-byvshego-sssr> (дата обращения: 11.05.2021).
- Сина Д., Ханна Т., Вотцель Д., Фаррелл Д. (2006) Китай и Индия: чья модель роста лучше? [Электронный ресурс] // Вестник McKinsey. № 13. URL: <http://vestnikmckinsey.ru/government/kitaj-i-indiya-ch-ya-model-rosta-luchshe> (дата обращения: 11.05.2021).
- Уткин, А. И. (2008) Подъем и падение Запада. М. : АСТ : АСТ Москва. 761 с.
- Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М. : Культурная революция. 608 с.
- Федотова, В. Г. (2015) Модернизация Китая и ее уроки для России // Философские науки. № 1. С. 99–115.
- Федотова, В. Г. (2016) Модернизация и культура. М. : Прогресс-Традиция. 336 с.
- Хуан, Я. (2010) Капитализм по-китайски: Государство и бизнес : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер. 374, [1] с.

Дата поступления: 15.05.2021 г.

CHINA: THE NATIONAL MODEL OF CAPITALISM

G. YU. KANARSH

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY,

E. V. NIKITINA

CHEBOKSARY COOPERATIVE INSTITUTE, BRANCH OF RUSSIAN UNIVERSITY OF COOPERATION

The article attempts to analyze the features of the Chinese economic model, and in particular, the Chinese model of capitalism, from a socio-philosophical point of view. The author describes the General social context of the study, namely, the rise of a number of non-Western countries in the early twenty-first century. The article analyzes the main stages of China's modernization in the second half of the 20th century. It is shown that in the 1950s, China initially implemented a compromise, convergent model of development, close to the modern concept of the "national model of modernization". However, since the mid-1950s a model dominated by the command and administrative system has begun to take shape. The authors see these models as a manifestation of various cultural trends inherent in Chinese society. However, since the late 1970s, a cultural trend of pragmatism, moderation, and compromise has prevailed in China. This trend embodied important features of the Chinese mentality. In general, the entire policy of "reform and openness" is the embodiment of the principle of combining the old and the new, characteristic of the Chinese mentality. At the same time, as the author shows, the Chinese economy and Chinese capitalism are not the same thing. Chinese capitalism is an organic part of the Chinese economic model, which is characterized as mixed. The

original model of Chinese capitalism is rural capitalism, which is considered by some authors to be the most dynamic. Since the 1990s, China has been implementing a different model — urban, industrial capitalism. At the same time, despite the opposite of these models, the article concludes that a pragmatic China can combine the positive aspects of both models in real practice.

Keywords: non-Western countries; China; national modernization model; mixed economy; capitalism

REFERENCES

Arrigi, D. (2009) *Adam Smit v Pekine: Chto poluchil v nasledstvo XXI vek* / transl. from English by T. B. Menskaya. Moscow, Institut obshchestvennogo proektirovaniia. 456 p. (In Russ.).

Deliagin, M. G. and Sheianov, V. V. (2015) *Imperiia v pryzhke. Kitai iznutri. Kak i dlia chego «aleet Vostok»*. *Glavnoe sobytie XXI veka. Vozmozhnosti i riski dlia Rossii*. Moscow, Knizhnyi mir. 672 p. (In Russ.).

Zakariia, F. (2009) *Postamerikanskii mir* / transl. from English. Moscow, Evropa. 280 p. (In Russ.).

Kouz, R. and Van, N. (2016) *Kak Kitai stal kapitalisticheskim*. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 386 p. (In Russ.).

Meliksetov, A. V. (2002) Capter XVIII. Kitai v 1949–1957 gg.: vybor puti razvitiia. In: *Istoriia Kitaia* / ed. by A. V. Meliksetov. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, MSU ; Vysshiaia shkola. 736 p. Pp. 618–655. (In Russ.).

Nepomnin, O. E. (2011) *Istoriia Kitaia. XX vek*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN ; Kraft+. 722 p. (In Russ.).

Prosekov, S. A. (2015) Mentalitet kitaitsev i reformy Den Siaopina. *Filosofskie nauki*, no. 1, pp. 86–98. (In Russ.).

Romanova, G. N. (2008) Ekonomicheskie reformy v Kitae, ikh otlichie ot reformirovaniia v Rossii. *Rossii i ATR*, no. 4, pp. 69–83. (In Russ.).

«Samostoiatel'nye» deistviia kitaitsev [online] *Sychuan' — Chuvashiiia*. 08.10.2020. Available at: <https://sichuanchuvashiainfo.ru/samostoyatelnye-dejstviya-kitajcev/> (accessed: 11.04.21). (In Russ.).

Sel'skokhoziaistvennye proekty Kitaia v Rossii i stranakh byvshego SSSR [online] UGL Corporation. *Organizatsiia biznesa v Kitae*. 10.06.2015. Available at: <https://www.ugl.ru/blog/selskoxozyajstvennye-proekty-kitaya-v-rossii-i-stranax-byvshego-sssr> (accessed: 11.04.21). (In Russ.).

Sina, D., Khanna, T., Vottsel', D. and Farrell, D. (2006) Kitai i Indiiia: ch'ia model' rosta luchshe? [online] *Vestnik McKinsey*, no. 13. Available at: <http://vestnikmckinsey.ru/goverment/kitaj-i-indiya-ch-ya-model-rosta-luchshe> (accessed: 11.04.21). (In Russ.).

Utkin, A. I. (2008) *Pod'em i padenie Zapada*. Moscow, AST : AST Moskva. 761 p. (In Russ.).

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnosbenii ekonomiki i obschestva*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 608 p. (In Russ.).

Fedotova, V. G. (2015) Modernizatsiia Kitaia i ee uroki dlia Rossii. *Filosofskie nauki*, no. 1, pp. 99–115. (In Russ.).

Fedotova, V. G. (2016) *Modernizatsiia i kul'tura*. Moscow, Progress-Traditsiia. 336 p. (In Russ.).

Khuan, Ia. (2010) *Kapitalizm po-kitaiski: Gosudarstvo i biznes* / transl. from English. Moscow, Al'pina Pabliher. 374, [1] p.

Submission date: 15.05.2021.

Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: grigkanarsh@yandex.ru

Никитина Эрбина Витальевна — кандидат философских наук, доцент, редактор отдела по научной работе Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации. Адрес: 428025, Россия, г. Чебоксары, пр. М. Горького, д. 24. Тел.: +7 (8352) 41-98-64. Эл. адрес: erbina@rambler.ru.

Kanarsh Grigoriy Yuryevich, Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow, Sector of Social Philosophy, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: + 7 (495) 697-98-93. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru

Nikitina Erbina Vitalyevna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Editor of the Research Department of the Cheboksary Cooperative Institute, Branch of Russian University of Cooperation. Postal address: 24, M. Gorky Avenue, Cheboksary, Russian Federation, 428025. Tel.: +7 (8352) 41-98-64. E-mail: erbina@rambler.ru